

ПЕРСОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

КЛАВДИЙ ПАСХАЛОВ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЕБ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

С.И. Реснянский

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена общей характеристике публицистического творчества русского консерватора начала XX в. Клавдия Никандровича Пасхалова, чьи идеи представлялись в историографии в крайне искаженном виде. Автор анализирует биографию и рассматривает ранние статьи К.Н. Пасхалова, выявляет основные его взгляды, сопоставляет их с идеями русского либерализма, проводит параллели с общими установками русского консерватизма и его историческими судьбами вплоть до настоящего времени. Автор показывает, что основные предложения К.Н. Пасхалова по преодолению в России общественно-политического кризиса сводились не к расширению прав и свобод, на чем настаивали его идейные оппоненты, а к повышению степени ответственности и обязанности на всех уровнях общества и государственной службы. В заключение статьи делается вывод о цикличности общественного интереса к консервативным идеям и подходам в российском обществе и в исторической науке.

Ключевые слова: К.Н. Пасхалов, русский консерватизм, российское общество, общественно-политический кризис, интеллигенция, революция, идейная борьба.

Введение

Обоснование темы. Русский консерватизм в полемике с либеральной интеллигенцией во взглядах на будущее России сегодня переживает свой ренессанс. Востребованными оказываются идеи и концепты этого направления политической мысли, они приобретают особую актуальность и значимость в связи со своей вкорененностью в политическую ткань российского прошлого. Обращение к генезису русского консерватизма, к политическим портре-

там его идеологов, таким как К.Н. Пасхалов, формированию его мировоззренческих принципов в контексте беспощадной политической борьбы в российском социуме конца XIX – нач. XX столетия, актуализируют обоснованность данной темы.

Обзор литературы. В историографической литературе есть только несколько небольших статей общего характера об этом патриархе консервативной мысли, однако становления его как личности, его публицистическая деятельность едва затронуты (1).

Цель и задачи. Задачей данной статьи является анализ идейно-политических установок К.Н. Пасхалова с целью формирования его мировоззренческих устоев, его ментального портрета в целом.

Исследование проблемы

В одной из своих послереволюционных дневниковых записей Лев Александрович Тихомиров с грустью, за которой скрывался душевный надрыв, записал: «Погибло все, чему я поклонялся». Под этой фразой, даже с большим основанием, чем ее автор, мог бы подписаться старший современник Тихомирова, даже более радикальный в своем консерватизме – Клавдий Никандрович Пасхалов. Ведь, в отличие от Льва Тихомирова, который только после долгих духовных поисков пришел к консервативному мировоззрению, Клавдий Пасхалов возрос в нем. Он усвоил его себе органически, не ведая либеральных и революционных соблазнов пылкой русской молодежи пореформенной эпохи. Можно сказать, что в цельности своего консервативного мировоззрения Пасхалов был в меньшинстве, чуть ли не в изоляции. Это станет его уделом, его крестом на многие годы. Так из личной биографии одного человека с устоявшимися убеждениями, которые он не стеснялся высказывать, можно сделать немаловажный вывод об общем состоянии умонастроений в российском обществе того времени.

К началу XX столетия консерватизм, монархизм, искренняя православная вера становятся анахронизмами в глазах значительной части русского образованного общества, открытое их исповедание, тем более публичная защита, могли служить поводом к бойкоту и негласным гонениям. Так, русская интеллигенция, клявшаяся в своей приверженности идеалам свободы, на деле проявляла нетерпимость гораздо большую, нежели самые завзятые консерваторы.

Если мы обратимся к разнообразным по происхождению источникам, то обнаружим в них, как уже в 1860-е гг. русское общество буквально было пропитано либеральными, революционными, а то и просто цинично-нигилистическими взглядами, адепты которых, при всех своих различиях и разногласиях, сходились в одном – в категорическом неприятии традиционной исторической России со всем ее неповторимым укладом духовной, политической и хозяйственной жизни.

Чтобы не быть голословным и вместе с тем проиллюстрировать господствующие умонастроения, в которых выпало жить и действовать Клавдию Пасхалову, приведем несколько независимых друг от друга свидетельств из источников того времени.

Первое почерпнуто нами из автобиографических записок Льва Тихомирова, где он вспоминает о своем пребывании в Одесской классической гимназии и о настроениях, царивших в гимназическом сообществе при известии о покушении Дмитрия Каракозова на Александра II в 1866 г.: «В 1866 году я был в четвертом классе гимназии. Раздался в Петербурге выстрел Каракозова... Помню, нас повели в церковь на благодарственный молебен... В церкви мы вели себя скверно, не серьезно, со смешками... не было сочувствия убийце, но не было и ничего против него. У нас был один (только один!) учитель, который заплакал. Это был старенький, седенький Николай Иванович Решиков... Этот Решиков при известии о покушении тут же в классе заплакал... И мы дети, заметили тут лишь комическую сторону и с хохотом передавали друг другу, как всхлипывал старичок. Единственный из наших наставников, который еще сохранил способность понять сразу ужас произошедшего... Помню, в самой банальной чиновничьей семье такие разговоры: Да, конечно, не удалось (то есть Каракозову), так все его ругают, а если бы удалось, так спасибо бы» (2).

Более обобщенная оценка духовного состояния русского общества содержится в письмах святителя Ставропольского Игнатия (Брянчанинова): «Скудные вести, приходящие в наш монастырь, о состоянии христианской веры в России, крайне неутешительны. С одной стороны раскол, с другой – решительное отступничество. Общая безнравственность prepares отступничество в огромных размерах... Отступление от веры православной – всеобщее в народе. Кто открытый безбожник, кто деист, кто протестант, кто индифферентист, кто раскольник. Этой язве нет ни врачевания, ни исцеления... Судя по духу времени и по брожению умов... здание Церкви, которое колеблется уже давно, поколеблется вдруг страшно и быстро. Некому остановить и противостать» (3).

Приводимые характеристики относятся к 1860-м гг., на которые пришлась пора отрочества и юности К.Н. Пасхалова. Можно сказать, что его убеждения формировались не параллельно, перпендикулярно господствующим в большинстве социальных слоев идеям, о которых он в силу своего образования и воспитания не мог не знать.

В этот период развития русского радикализма и либерализма с ними не велось никакой последовательной идейной борьбы. Репрессии же по сути были временной, паллиативной мерой, которая приносила лишь видимость оздоровления. Только в 1870–1880-е гг., на волне разгула народовольческого террора стали появляться работы, в которых теоретически обосновывались положения и идеалы русского консерватизма. Достоевский, Данилевский, Леонтьев, Победоносцев, Астафьев – их издательская и публицистическая дея-

тельность не могла не отразиться на мировоззрении той части образованной русской молодежи, которая не следовала за идейно модой.

Из всего этого можно сделать существенный вывод, что мировоззрение Клавдия Пасхалова, впоследствии четко маркируемое как ультраконсервативное, формировалось в обстановке острой идеологической полемики, в которой как количественный перевес, так и симпатии внимающего большинства были на стороне «реформаторов» и «ниспровергателей», тогда как «охранители» были обречены на существование почти что в вакууме.

Тот факт, что Пасхалов, вращаясь в кругу сложных идейных течений, все же выбрал консерватизм и впоследствии неукоснительно сохранял верность однажды выбранным убеждения, лишь кристаллизуя их, свидетельствует не только о высоких нравственных качествах («верность до смерти»), но и высокой степени самостоятельности мышления, его принципиальном неприятии какой бы то ни было заманчивой точки зрения только лишь потому, что она соблазнительна для большинства. Эта самостоятельность в позициях и суждениях станут той основой, на которой впоследствии вырастет способность Пасхалова-публициста открыто высказывать свои убеждения невзирая ни на какие неблагоприятные привходящие обстоятельства.

Эта особенность идейной борьбы «с открытым забралом» станет своего рода визитной карточкой Пасхалова в первом десятилетии XX в., когда он, уже перешагнувший 60-летний рубеж, сочтет необходимым выйти на общественную арену с тем, чтобы исполнить свою присягу на верность России и Государю так, как он сам ее понимал, исходя из воспитания, образования, мировоззрения.

Коль скоро человек, молчавший большую часть своей сознательной жизни, даже когда в русском обществе бушевали страсти по поводу убийства Александра II или полемики Леонтьева с Соловьевым, отлучения от Церкви Льва Толстого, счел необходимым на склоне лет заговорить публично, страстно и во всеуслышание, следовательно, по его мнению, по-иному было нельзя, т.к. обстановка в обществе и стране казалась ему катастрофической.

Публицистическая деятельность Пасхалова начинается в самом начале Первой русской революции, а именно в феврале 1905 г., когда раскол общества приобрел масштабы национальной катастрофы, обоюдное насилие превращалось в норму общественной жизни, а государственная власть своими действиями (или бездействием) не выправляла, а лишь усугубляла ситуацию. Так мы можем сформулировать те предпосылки, которые предопределили появление феномена русской консервативной публицистики начала XX столетия как нового этапа в развитии русской консервативной мысли, когда предпринимались попытки на практике реализовать те принципы и положения, которые были выработаны в умах русских консерваторов на протяжении общественной борьбы века XIX-го.

С достаточным основанием можно утверждать, что к выходу на арену публицистической идейной борьбы Пасхалова побудили начавшие сбывать-

ся мрачные пророчества русских консерваторов, высказываемые ими в предшествующие десятилетия.

Такие столпы русской консервативной мысли, как Леонтьев и Победоносцев, высказывали твердое убеждение в том, что введение начал парламентаризма в Российской империи станет симптомом ее близкой гибели. Тот факт, что, начиная с декабрьского (1904 г.) Манифеста Николая II мечтания либералов стали приобретать оттенок практического воплощения и более конкретный Манифест февраля 1905 г., обнародованный уже после начала революции 1905–1907 гг., в котором император открыто заявлял о курсе на подготовку к созданию представительного органа – все это было воспринято Пасхаловым именно как приближение России к роковому рубежу и побудило в конечном итоге к действиям. В известном смысле Пасхалов понимал свой долг верноподданного как право остановить руку Государя, намеревающегося ограничить свою власть. Впервые такое право высказывалось еще Карамзиным.

Первая публикация Пасхалова появляется сразу же вслед за февральским Манифестом ранней весной 1905 г. Обращаясь к содержанию текста этого первого опыта публицистической деятельности нашего героя, мы можем обнаружить в нем те характерные черты консервативного мировоззрения, последовательным проводником, даже паладином которого был Клавдий Никандрович Пасхалов. Признавая наличие серьезных проблем, даже болезней русского государственного организма на рубеже XIX–XX вв., автор солидаризируется со многими своими современниками как либерального, так и консервативного толка. Однако радикально отличными являются те выводы и рецепты, которые предлагаются в качестве средства излечения общественно-политических недугов собственно К.Н. Пасхаловым.

Диагностируя расстройство государственного и общественного организма России, Пасхалов указывал и иные причины начавшегося кризиса и неэффективности госуправления. В своих ранних публикациях консервативно настроенный автор последовательно перечисляет те важнейшие факторы, которые обусловили, по его мнению, политический кризис в Российской империи начала XX в. В качестве основных причин указываются укоренившаяся практика рассогласований и дублирования полномочий в процессе распорядительной деятельности различных органов высшего государственного управления, а также ставшие нормой нарушения действующего законодательства в некоторых властных инстанциях. Как пример подобного функционального расстройства автором указывается правительствующий Сенат, в начале XX в. превратившийся из органа контрольно-ревизионного в орган арбитражно-кассационный, своего рода «пятое колесо в телеге» государства.

Другим ключевым фактором, обусловившим кризис российской государственности, деютирующий консервативный публицист полагает «происки тайных и явных врагов». При этом как одну из разрушительных сил, имманентно враждебных России и русскому народу, автор называет «еврейство»,

с которым, по его мнению, невозможны никакие компромиссы по причине резко антихристианской направленности талмудического иудаизма.

Наконец как на важную причину кризиса Пасхалов указывает на бездеятельность правительства, неиспользование им своих законных полномочий, злоупотребление доверием «нашего добрейшего Императора». С его стороны звучит резкая критика правительства, заигрывающего с либералами и революционерами, и общества (включая профессию и священство): «К величайшему нашему несчастью, руководители нашего Правительства оказались в это критическое время не на высоте своего положения и, вместо энергического, решительного отпора дерзким до наглости требованиям коренного преобразования нашего государственного строя, с уничтожением Самодержавия и водворением правления выборной фальши, – к чему в особенности стремятся либеральные вожаки выборных земских и городских учреждений, доказавших и на их маленьком деле свою полную неспособность вести его честно и успешно, – думали утишить поднявшийся содом мягкими, уступчивыми мерами, не понимая, что они уступают не народной нужде, а крикам отъявленных врагов России» (4).

Меры врачевания, предлагавшиеся Пасхаловым, сводились, таким образом, не к расширению прав и свобод, на чем настаивали его идейные оппоненты, а к повышению степени ответственности и обязанности на всех уровнях общества и государственной службы. Фактически выдвигалось принципиальное требование возрождения того служилого государства, которое сформировалось в период Московской Руси, самобытные начала которой противопоставлялись вестернизаторским веяниям и тенденциям XVIII–XIX вв.

Обобщая высказанные Клавдием Пасхаловым идеи, можно констатировать, что они в концентрированном, актуализированном и популяризированном виде представляют собой квинтэссенцию консервативной программы антикризисных мероприятий в Российской империи, которые предлагались, по большей части в разрозненном виде, целым рядом русских консерваторов как минимум с середины XIX столетия. Однако теперь в лице Пасхалова русский консерватизм попытался перевести свои концепты и рецепты в практическую плоскость, сделать их ядром внутренней и внешней политики во всех их проявлениях. Фактически это была последняя в истории дореволюционной России попытка задать всему русскому обществу абсолютный идеал исторического бытия, в соответствии с которым следовало переустроить всю общественную и частную жизнь.

Как показали последующие исторические события, русское общество в огромном большинстве своем оказалось категорически не готово не только воспринять, но и хотя бы спокойно выслушать эти идеи и рецепты представителей охранительного направления. Вплоть до самого крушения самодержавия Пасхалов и его единомышленники не прекращали попыток докричаться и быть услышанными как обществом, так и властью. Однако их надеждам

сбыться было не суждено. Подвергнутый идейному остракизму до революции, Пасхалов оказался предан забвению после революции – почти до самого конца многострадального для русского народа XX столетия. В то время, как даже жупел революционеров и либералов К.П. Победоносцев оставался в исторической памяти, пусть и с уничижительным клеймом обскуранта, Пасхалов же был словно вычеркнут со скрижалей истории, а его идеи представлялись в крайне искаженном виде. В этом плане послереволюционная и посмертная судьба Пасхалова как в капле воды отражает в себе судьбы русского консерватизма, потерпевшего историческое поражение в начале XX столетия, преданного забвению и поруганию в течение всего последующего времени и, наконец, извлеченного из небытия на рубеже нового, XXI века – как с академическим, так и с практическим политическим интересом.

Выводы

В наши дни как русский консерватизм в целом, так и идейно-духовное наследие отдельных его представителей оказались востребованными, стали объектом вдумчивого научного исследования: пишутся статьи и диссертации, издаются монографии и энциклопедии. Так осуществляется возвратная легитимация в российском общественном сознании идей и имен русского консерватизма, с которого успешно сорваны большинство уничижительных ярлыков. Не последнее место в этом процессе занимает имя и творчество К.Н. Пасхалова. В 2008 г. вышел сборник его статей, еще раньше была опубликована подборка писем к разным лицам (5). Имя Пасхалова неоднократно упоминалось в обзорных работах, посвященных историческому феномену русского консерватизма, попало на страницы энциклопедий. Его творческое наследие стало доступно заинтересованным читателям. Следовательно, есть вероятность того, что идеалы, ради которых жил и творил Клавдий Никандрович Пасхалов, вновь окажутся нужными государственным и общественным деятелям, а его труды заслужат благодарную память потомства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См.: *Степанов С.* Чёрная сотня. М., 2005; *Пасхалов К.Н.* Русский вопрос. М., 2008 и др.
- (2) *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. М., 2004.
- (3) Епископ Игнатий (Брянчанинов) Письма о подвижнической жизни. М., 1996. С. 400, 401, 409.
- (4) *Пасхалов К.Н.* Сборник статей, записок, воззваний, речей и проч. Март 1905 – август 1906 г. М., 1906. С. 12.
- (5) См.: *Пасхалов К.Н.* Русский вопрос. М., 2008; «Не понимают величия русской государственной идеи»: переписка К.Н. Пасхалова. 1914–1917 гг. // *Источник*. 1995. № 6.

REFERENCES

- (1) Cf. Stepanov S. *Chjornaja sotnja* [Black Hundred]. Moscow, 2005; Pashalov K.N. *Russkij vopros* [Russian question]. Moscow, 2008 etc.
- (2) Tihomirov L.A. *Teni proshlogo* [Ghosts of the Past]. Moscow, 2004.
- (3) *Episkop Ignatij (Brjanchaninov) Pis'ma o podvizhnicheskoi zhizni* [Bishop Ignatius (Bryanchaninov) Letters to the ascetic life]. Moscow, 1996, pp.400, 401, 409.
- (4) Pashalov K.N. *Sbornik statej, zapisok, vozzvanij, rechej i proch. Mart 1905 – avgust 1906 g.* [Collection of articles, notes, proclamations, speeches, and so on. March 1905 – August 1906]. Moscow, 1906, p.12.
- (5) Cf. Pashalov K.N. *Russkij vopros* [Russian question]. Moscow, 2008; «Ne ponimajut velichija russkoj gosudarstvennoj idei»: perepiska K.N. Pashalova 1914–1917 gg. ["They do not understand the greatness of Russian national idea": correspondence of K.N. Paskhalov 1914–1917gg.]. *Istochnik – [Source]*. 1995, no. 6.

CLAUDIUS PASKHALOV IN THE CONTEXT OF HISTORICAL FATES OF RUSSIAN CONSERVATISM

S.I. Resnyansky

Department of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya St., 10–2, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the general characteristics of journalist practice of Claudia Paskhalov. He was a Russian conservative person who lived in the early 20th century and whose ideas were presented in an extremely distorted form. The author examines the early articles of K. Paskhalov, reveals his basic views, compares them with the ideas of Russian liberalism, draws parallels with the general attitudes of Russian conservatism and its historical destiny up to the present time. Also, it is shown that the main Paskhalov's proposals to overcome Russian socio-political crisis were not the expansion of rights and freedoms on which his ideological opponents insisted, but the increase of the degree of responsibility at all levels of society and public service. In conclusion, the author states that public interest in conservative ideas and approaches in the Russian society and historical science is cyclic.

Key words: K. Paskhalov, Russian conservatism, Russian society, social and political crisis, intelligentsia, revolution, ideological struggle.